

- Анатолий Игнатьевич, что дали вам полтора года работы, какой приобрели опыт?

— Я бы сказал, что хотя опыт пока скорее отрицательный, чем положительный, но тем не менее это опыт — многое начал глубже понимать, а значит, в состоянии больше помочь людям. Наверное, когда я говорю об отрицательных ощущениях, имею в виду прежде всего мою семью, мое здоровье, мою литературу наконец. Не до всего этого мне сейчас. Комиссия собирается раз в неделю, и за полтора года мы пропустили из-за отсутствия кворума всего шесть заседаний. А представить, чего стоит собрать еженедельно вместе всех ее членов — это ведь известные, занятые люди.

— Можно назвать их имена?

— Теперь — да. До недавнего времени по многим серьезным причинам у нас действовал внутренний мораторий на разглашение фамилий, однако после некоторых публикаций в прессе он оказался нарушенным.

Когда формировали состав комиссии и были названы кандидаты, мне высказали некоторое сомнение: "Вы

конструктивно, проводить в жизнь новые варианты, которые бы изменили нашу правовую систему. Да, надо действовать, бороться и добиваться результатов, но пока в рамках нынешней правовой системы. Вот удалось провести через Верховный Совет закон о введении пожизненного заключения. Пока он не действует, но будет, и сейчас наша комиссия уже работает на него. Значит, сделан уже пусть и небольшой шаг к отмене смертной казни.

— Я знаю, что вы против нее. Но насколько это сегодня реально, насколько наше общество готово к ее отмене?

— А общество надо к этому готовить. Мы на примере западных стран знаем, что проблема смертной казни — одна из самых болезненных и острых.

Когда, скажем, в Англии, Франции принимался закон об ее отмене, то принимался он против мнения большинства населения. А затем постепенно общество было этим законом воспитано, отношение к заключенным у людей стало более милосердным. Тем самым принятие

их и они зарабатывали какие-то гроши, могли послать их семье, то теперь в связи с закрытием многих предприятий заключенные такой возможности лишаются. Выпускают человека на свободу без денег, не на что домой доехать. Что ему делать? Да снова взять и кого-то ограбить. И опять сесть в тюрьму. Вот страшный и тяжелый вопрос для нашей комиссии: мы человека помилуем, а что с ним будет дальше? Помилование — только одно из звеньев этой сложной проблемы. Нужно менять Уголовный и Исправительно-трудовой кодексы, нужна тюремная реформа. Кроме того, необходимо воспитывать в обществе гуманность и милосердие. Это, может быть, главное, поскольку зачастую наша жестокость приводит к тому, что судьба людей, совершивших преступление, складывается трагически.

Вот читал недавно одно дело: бывший уголовник решил жить по-новому. Женился, у женщины двое детей, окружающие начали эту женщину отговаривать, создали конфликтную ситуацию, женщина его выгнала. Он в отчаянии убил и ее, и детей. Как к нему относиться?

и это основная категория отклоняемых ходатайств. Но нет правил без исключений. Вот недавно попало к нам дело молодого человека, укравшего в сельсовете телефонный аппарат. Дали ему аж 4 года. Естественно, его надо помиловать, хотя отсидел он всего год.

— А сколько дел в год рассматривает комиссия?

— Примерно 7 тысяч. Конечно, и мы, и отдел перегружены работой. Но согласиться с предложением, которое высказывают иные реформаторы, не могу. Они предлагают создать на местах такие отделы, которые бы контролировали лагеря и давали в органы помилования подробные характеристики на заключенных. Представьте, как возрастет объем переписки нашего отдела — ко всем инстанциям прибавятся тысячи отделов в разных районах. И какая начнется волокита — сейчас то на переписку уходит иногда по 5 — 6 месяцев, а с введением дополнительных чиновничьих пунктов она удлинится на год. А люди будут сидеть и ждать. Кроме того, отдел не поддерживает никаких прямых контактов с ходатайствующими или

Назначение Анатолия ПРИСТАВКИНА председателем Комиссии по помилованию при президенте России, в отличие от многих других, кривотолков не вызвало. Кому как не писателю с мировым именем и незапятнанной репутацией заниматься прошениями осужденных. Ведь

ПОМИЛОВАНИЕ — ДЕЛО ТОНКОЕ, ИНТИМНОЕ...

все — единомышленники, у вас по всем вопросам будет единое мнение". Я тогда ответил, что у людей, каждый из которых — яркая личность, единой точки зрения быть не может. И действительно, на заседаниях мы порой яростно спорим и по-разному голосуем. Но для меня главное состоит в том, что при различии мнений у всех нас есть единая нравственная составляющая, общая внутренняя задача — смягчать нравы нашего общества путем нашей работы, можно даже сказать, нашего маленького, никому не видимого "подвига", так как участие в комиссии требует большого напряжения душевных и физических сил. Кстати, мы отчасти потому и держали в секрете наши имена, чтобы не превращать такое тонкое, интимное для общества дело, как жизни и смерти наших сограждан, как помилование, в общероссийский базар.

Среди членов нашей комиссии — доктор юридических наук С. Випин, замечательный психолог М. Коченов, В. Окуджава, Ф. Искандер, Вяч. Вс. Иванов, отец Александр Борисов, народный депутат М. Молоствов, Л. Разгон — один из старейших наших политаторжан, наша гордость, удивительный человек, не озлобившийся, понимающий, что значит для человека хотя бы полгода отсидки.

— С какими трудностями пришлось столкнуться комиссии?

— Поскольку это комиссия нового типа, то и проблемы, которые перед ней встают, тоже новые, иные, чем прежде. Мы столкнулись прежде всего с несовершенством системы помилования в стране, с несовершенством Уголовного и Исправительно-трудового кодексов.

Встает вопрос: как быть? Его можно решать двояко. Можно начать революционизировать все и вся, но, по моему, этот путь весьма сомнителен, ибо все наши эксперименты отразятся прежде всего на тех, ради кого мы собрались. Но, к сожалению, те, кто предлагает разрушить систему, а потом начать действовать в соответствии с новыми законами, забывают, что пока мы спорим и творим эти самые новые законы, тысячи людей сидят, проходят их единственные жизни.

Я говорю об этом потому, что знаю, как тяжело сказались на многих заключенных период, пока шло формирование нашей комиссии и она не работала. Страдания людей допускать нельзя, хватит.

— Что же, примириться с несовершенством законов?

— Нет, ни в коем случае. Можно серьезно и конструктивно, именно

этого закона подготовило принятие других законов, смягчающих участь тех, кто совершил преступление, то есть одна ступенька породила массу других ступенек, в целом благоприятных для атмосферы в обществе.

Государство, отменившее смертную казнь, вступает в новую фазу развития, переходит в совершенно иное состояние. Ведь смертная казнь — узаконенное обществом убийство.

Должен сказать, наша комиссия тоже частично доказала, что можно существовать без того обилия смертных казней, которые совершались в России еще совсем недавно. Сейчас ситуация чуть переменяется, и ничего страшного не произошло. Думаю, через некоторое время мы сумеем доказать нашему обществу, что оно может существовать почти без смертной казни.

— В число показателей, определяющих степень гуманности общества, входит и отношение к тем, кто совершил преступление. Недавно я побывал в тюрьме одного провинциального шведского города — о чистоте и всех удобствах, вплоть до цветного телевизора, магнитофона и персонального душа в каждой камере, я уже не говорю, поразило другое: на потерях заключенных примерно три педагога-воспитателя; тех, кто хорошо себя зарекомендовал, раз в два месяца отпускают на 48 часов домой; ежегодно летом заключенные совершают турпоход на лодках...

— То же самое я, например, видел в Италии, Германии. Все дело в том, что государство считает, что на свободу должны выходить не одичавшие, больные люди, зачастую потенциальные преступники, а полноценные граждане, не представляющие новой опасности для общества.

Вот, скажем, немецкий налогоплательщик выплачивает 140 марок на каждого заключенного и не протестует. Он заинтересован, чтобы на волю вышел человек, а не бандит, которого придется опасаться. Государство также думает и о том, что с этим человеком будет дальше. В заключении он зарабатывает деньги и, выходя на свободу, имеет возможность устроить свою жизнь.

Нам всего этого понять не дано. В наших тюрьмах и лагерях царит полный беспредел. Условия ужасающие, за последнее время они еще больше ухудшились. Многие лагеря находятся на грани самороспуска, не имея ни топлива, ни питания. Если раньше труд заключенных использовался на различных производст-

Простить убийство детей я не могу, но умом могу представить трагедию человека, загнанного обществом, то есть нами, в тупик. И таких случаев немало.

Знаете, самый тяжелый психологический момент в нашей работе — это внутренний разрыв между желанием помочь и неприятием всего, что узнаешь. Каждую неделю читаешь об ужасных преступлениях, а на следующую неделю тебе уже заготовлена новая "убийственная" папка. И ты, несмотря на свои эмоции, должен войти в положение каждого, преодолеть себя и, если возможно, помиловать и помочь.

— Анатолий Игнатьевич, в публикации в "Литературной газете" говорилось, что, по сути дела, комиссия сама мало что решает и дела, которые она рассматривает, уже отфильтрованы чиновниками из отдела по помилованию...

— Думаю, этот упрек можно было отнести к прежней комиссии и прежнему отделу, когда, действительно, член Президиума ВС никаких дел не читал, а аппаратчики красным карандашом подчеркивали ему, за что и как голосовать. У нас это исключается абсолютно. Могу совершенно ответственно сказать: каждый член комиссии читает все представленные на рассмотрение дела, более того, он может пойти в отдел и познакомиться с любым из поступивших прошений. А знаете, сколько их поступает? Около 80 тысяч в год, в день — от 400 до 600. Вот для того, чтобы все их разобрать, проверить, и существует отдел по помилованию. Административно его начальник Е. Иванушкин подчиняется главе администрации президента С. Филатову, но вся работа отдела направлена на нашу комиссию. Там работают высокопрофессиональные, опытные юристы, на плечах которых лежит огромный объем делопроизводства. По каждому делу, принятому к рассмотрению, ведется переписка с МВД, лагерями, прокуратурой и другими инстанциями. Запрашиваются характеристики, справки и так далее. Только после этого отдел представляет дело на комиссию.

— Но на комиссию поступают, наверное, не все ходатайства.

— Да, часть из них отдел отклоняет на основании действующего сегодня законодательства. Право на прошение о помиловании имеют все, любой человек, даже если его только что осудили. Но по закону рассматриваться могут дела тех, кто, как правило, уже отсидел половину полученного срока. Вот и приходится отделу остальные дела отклонять,

их родственниками. Коррупция исключена. Но если дело помилования захватят в свои руки местные власти, которым можно дать "в лапу", она возникнет мгновенно и из тюрем начнут выходить только мафиози, а не несчастные, бедные люди, ради которых мы существуем. Кстати, богатые и сейчас выходят сами, практика показывает, что никто из мафиозных структур через нашу комиссию практически не проходил.

Или предлагают убрать чиновников и создать общественные комиссии. Но сколько надо таких комиссий, если реально комиссия в силах рассмотреть до 7 тысяч прошений в год? А сколько потребуется человек на их обслуживание? Я не говорю уже о том, что эти комиссии неизбежно будут противоречить друг другу по внутренним позициям (мы же не сможем найти десятки или даже сотни единомышленников). Что тогда? Одному заключенному повезет, а другому нет? Впрочем, о них предлагающие подобное опять-таки не думают.

Теперь об опыте западных стран, на который так любят ссылаться наши реформаторы. Мы внимательно изучали постановку системы помилования в Европе, и должен сказать, что нигде никаких общественных комиссий, подобных нашей, нет. Все дела от начала до конца готовятся чиновниками и ими выносятся на рассмотрение или парламента, или президента. А как же иначе? Без чиновников государство не может существовать. Это только у нас могут происходить нелепые гонения на них. Чиновник — это профессия, и ее надо уважать. И мы, члены комиссии, уважаем тех, кто с нами работает, и благодарны им за помощь.

Разумеется, бывают случаи, когда мнения начальника отдела (а он обязательно присутствует на наших заседаниях, но не голосует) и членов комиссии расходятся. Так это же естественно. Каждый имеет право на свою позицию. И кстати, нередко она у начальника отдела мягче по отношению к заключенному, чем у членов комиссии. Так что говорить о чиновничьем бездушии этих людей никак нельзя. Главное, на мой взгляд, чтобы на этих местах находились люди нравственно чистые и хорошие профессионалы.

Заканчивая разговор, хотел бы подчеркнуть, что если в нашей работе существует немало трудностей и недостатков, то это наша беда, а не вина, поскольку несовершенство пока сама структура нашего общества...

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ.

04.08.93 г.

Стиславский Анатолий